

Разобрав позолоченные иероглифы «Дом Тун», Лу Цы сначала невольно облегченно выдохнул, а потом сердце его сжалось в тугой узел.

Он был единственным ребенком в Тайной обители, у кого не было деревянной бирки. С того времени, как он узнал, что означают бирки других, он смутно понимал: его родители, возможно, не были такими, как у остальных, и не ждали, что он когда-нибудь вернется к ним.

Если так, то и не надо.

Поэтому он никогда не воображал, как выглядят его родители, не углублялся в размышления, почему они его бросили, не думал, что после возвращения на Континент людей будет их искать, и не был готов к встрече с ними.

Поэтому при виде таблички он действительно облегченно вздохнул.

Но эта табличка также указывала на другой факт — тот младенец и правда был Тун Саном.

Тот, кто прибыл в Тайную обитель на несколько месяцев позже него, с кем вырос вместе и кто в конце концов умер от эпидемии в обители, истекая кровью из семи отверстий и превратившись в белые кости у него на глазах — Тун Сан.

Всё это ещё стояло перед глазами.

Из-за этого только что отдохнувшее сердце снова сжалось, вызывая острую боль.

Таких ощущений он не испытывал очень давно.

Возможно, печаль и радость — удел живых, поэтому после его смерти и попадания в белую пустоту хаоса все воспоминания и чувства были стерты бесконечным временем, стерлись так, что ему казалось, будто он уже покинул этот мир и достиг внутреннего покоя.

Однако с момента перерождения те воспоминания, что пылились под временем — будь то яркие, как весеннее солнце, или острые, как холодное лезвие, — словно были разбужены весенними раскатами грома. Они пробились сквозь сухую траву и цветы в сердце, разбудив дремавшие чувства и заставив дыхание и боль снова стать живыми.

Вероятно, это и было доказательством жизни.

Сцена перед ним продолжала меняться.

Время шло, трава росла, летели птицы. Супруги Тун пустили корни в этом особняке, видели, как растет их старший сын, и ждали возвращения младшего.

Восемнадцать лет незаметно пролетели день за днем.

И когда они думали, что долгие ожидания наконец увенчаются успехом, внезапный июньский снег принес весть о разрушении Тайной обители Цанлин.

Время стирает боль. За восемнадцать лет разлуки чувства к ребенку, возможно, и остыли бы, но боль была в надежде. Восемнадцать лет ожиданий рухнули в один миг, и это было самым невыносимым.

Весть обрушилась как гром. После огромного шока и горя супруги даже не могли понять, чего в них больше — ненависти или раскаяния.

Они ненавидели того, кто, по слухам, ради захвата духовного артефакта не остановился перед убийством наставника и единоверцев. Но они и раскаивались в своем выборе восемнадцатилетней давности.

«Если бы они не отдали его тогда».

«Если бы они оставили его с собой, несмотря на бедность».

«Если бы этот случайный доход появился раньше».

Но, увы, в этом мире нет «если бы».

Через несколько месяцев были возведены Три Великие Небесные Обители.

Люди, которые, как и они, негодовали и проклинали виновника трагедии, вкусили прелести духовных артефактов и без труда забыли катастрофу, погребенную под снегом.

В тот момент они наконец поняли, что этот страшный кошмар никогда не принадлежал всему миру, а был достоянием только их двоих.

В следующие десять лет госпожа Тун снова и снова видела во сне своего младшего сына.

Поскольку она никогда не видела его взрослым, в кошмарах он оставался младенцем.

Младенец в пеленках тянул к ней маленькие ручонки, цепляясь за одежду, и снова и снова с недоумением и горем спрашивал:

— Мама, почему ты не хочешь меня?

— Почему ты меня не хочешь?

— Почему?

В предрассветной темноте она просыпалась с криком, сердце бешено колотилось, подушка была мокрой от слез, а сердце рвалось от тоски.

Она вышивала одну за другой детские одежды.

Она устроила в доме алтарь.

В алтаре курился благовонный дым, словно упрямые духи, окружали её, допрашивали, стучали в двери её сердца.

В болоте вины и раскаяния она начала путать реальность и сны, вступать в диалог с теми голосами, долго погружаться в иллюзии.

Горе, безумие, крах.

В конце концов, она слегла.

Но даже в болезни кошмар не отпускал её, и в каждую секунду бессознательного состояния она продолжала терпеть пытки разрывающегося сердца в уме.

На этом воспоминания обрываются.

Фантомная сцена перед глазами исчезла, вернув всё в спальню дома Тун, накрытую световой сетью из нитей памяти.

Всё стало ясно.

Эти супруги — родители Тун Сана, а тот юноша — его родной старший брат. Однако, как и все в доме, он не знал, что младшего брата отправили в Тайную обитель Цанлин, полагая, что его усыновили.

Соппротивление отца Туна изменению памяти и его намеренное сохранение алтаря, чтобы «поприветствовать» Цзи Учжоу, тоже получили объяснение. Он ненавидел этого Небесного Наставника, создающего сны, который, по слухам, убивал собратьев, но был вынужден просить его о помощи. Сильное противоречие и нежелание заставили его оставить алтарь, как символ бессмысленного признания вины или безмолвного упрека.

Лу Цы не знал, понял ли Цзи Учжоу, кто был тот младенец. Ведь в Тайной обители все братья для него были как чужие.

Но он знал, что даже если Цзи Учжоу и забыл имя «Тун Сан», то из этих воспоминаний он мог понять, что младенец был одним из тех, кто погиб в обители, и осознать причину плохого отношения отца Туна.

Лу Цы обернулся, желая увидеть реакцию Цзи Учжоу, но тот, как и при упоминании Тайной обители Цанлин, не проявил совершенно никакой реакции.

Встретившись взглядом с Лу Цы, Цзи Учжоу как ни в чем не бывало кивнул на световую сеть на стене:

— После завершения просмотра воспоминаний их можно вернуть. Процесс возврата позволяет сразу изменить их.

С этими словами он снова заставил серебряные колокольчики на посохе вращаться, и световая сеть на стене, словно за ниточку, начала сматываться и лететь к посоху.

Сцена перед глазами снова затрепетала и изменилась. Увиденные ранее воспоминания промелькнули как в калейдоскопе, но их содержание незаметно менялось.

В старом доме в начале воспоминаний седой лекарь больше не поздравлял молодую пару, а изменил свои слова, сказав, что у госпожи «простуда».

С того дня воспоминания о десяти месяцах беременности превратились в «затяжную простуду», рождение второго сына — в «выздоровление после тяжелой болезни», а отправка младенца — в «прогулку по реке при луне».

Далее все сцены и диалоги, касавшиеся второго сына, были заменены на бытовые мелочи: больше нет долгих ожиданий, нет горестной вести о гибели сына, нет слёз в алтаре, ночных кошмаров. Есть только супруги, поддерживающие друг друга, и старший сын, с которым они прошли путь от бедности к богатству.

Глядя на эти перемены, Лу Цы чувствовал, как сердце рвут две противоположные эмоции.

Одна подсказывала: людей, помнящих Тун Сана, в этом мире и так мало, а теперь стало на одного меньше.

Другая возражала: для госпожи Тун это, возможно, лучший исход.

Покойному — покой, а живым — жить.

Возможность забыть боль — разве не счастье?

Световая сеть на стене становилась всё реже, как будто с неё снимали слой за слоем. Нити памяти наматывались на верхушку посоха, претерпевали изменения и летели обратно ко лбу женщины на кровати.

Когда последняя часть исчезла, комната вернулась к своему первоначальному виду. Лу Цы длинно выдохнул и повернулся к Цзи Учжоу:

— Закончили?

Цзи Учжоу едва заметно кивнул, повернулся к двери и громко произнес:

— Войдите.

Отец Тун, очевидно, всё время стоял у двери и, услышав голос, тут же вошел, устремив взгляд на жену.

Цзи Учжоу сказал:

— Память изменена только что, она придет в себя через полчаса.

Отец Тун не ответил, лишь обернулся к сыну и приказал:

— Ступай, скажи разобрать алтарь.

Сын отозвался и вышел. Отец Тун закрыл дверь и, даже не взглянув на них, глухо произнес:

— Расплатись.

Было видно, что отец Тун не хотел говорить с этим человеком ни слова больше, но Цзи Учжоу, казалось, совершенно не осознавал, насколько он неприятен, и неспешно сказал:

— Сегодня как раз свободен. Если ты тоже хочешь изменить воспоминания, могу сделать заодно, без дополнительной платы.

Лу Цы удивился, но втайне надеялся, что отец Тун примет это предложение.

<http://bllate.org/book/16826/1565341>